

Часть выслушавшись, решил, что не
полезно звать больше работников

Печальное и радостное в текущей литературе

«...» Критикъ считаетъ себя вправе равно-
рачивать вашу личную жизнь, ваши вку-
сы; коснется даже вашихъ болѣзней, ва-
шихъ отношеній къ другому полу... Да
вотъ вамъ примѣръ: Достоевскій послѣ
знаменитаго „Пушкинскаго праздника“,
когда онъ увлекъ всѣхъ присутство-
вавшихъ русскихъ писателей своей нерв-
ной, огненной рѣчью, впоследствии вы-
держалъ за эту-же рѣчь невыносимыя ос-
корбления и поношенія. Онъ писалъ тог-
да, что даже Юханцева бранили не такъ
жестоко, какъ его.

Эта „своеобразная“ критика дѣлаетъ
одно: она роится въ глазахъ публики
писателя вообще, а съ нимъ—и литера-
туру.

Вотъ почему, на примѣръ, я никакъ не
могъ присоединиться къ заявленіямъ нѣко-
торыхъ газетъ по поводу одного изъ не-
давнихъ юбилеевъ: виновнику торжества
приписывались большія заслуги въ ли-
тературѣ. Я-же думаю, что онъ больше
многихъ другихъ былъ повиненъ въ томъ,
что увидѣлъ въ глазахъ читающей пуб-
лики самое имя русскаго писателя.

Критиковать можно и должно; можно
и должно указывать недостатки художе-
ственныхъ произведеній. Но не слѣдуетъ
унижать личность писателя, глумиться
надъ нею, топтать ее въ грязь. Не слѣ-
дуетъ приписывать къ эстетической и ли-
тературной критикѣ національнаго вопро-
са, роясь въ родословномъ деревѣ авто-
ра... Все это—великіе грѣхи передъ ли-
тературой, а никакъ не заслуги.

Отъ критиковъ усваиваетъ себѣ такое-
же отношеніе къ писателю и публика.
На примѣръ, прелестной пьесѣ Антона

Чехова „Чайка“, публика позволяла се-
бѣ шикать и даже свистать! И это лишь
за то, что пьеса одного изъ самыхъ та-
лантливыхъ современныхъ беллетристовъ
нашихъ недостаточно сценична! А, меж-
ду тѣмъ, прочтите ее на страницахъ „Рус-
ской Мысли“, и вы увидите, сколько въ
ней наблюдательности, чувства, мысли,
освѣщающей совѣтъ новыя, еще пикѣмъ
не тронутыя, уголки нашей жизни. Уже
одинъ вопросъ о судьбѣ семьи у талантли-
выхъ корифеевъ сцены,—заставитъ васъ
глубоко задуматься... И что-же? О пьесѣ,
—съ ея литературной стороны,—до сихъ
поръ еще никто не сказалъ ни слова—ни
въ серьезной критикѣ, ни въ газетной!
Я съ грустью смотрю на небольшой,
красиво изданный, томикъ разсказовъ,
лежащій передо мною. Разсказы эти при-
надлежатъ совѣтъ еще молодому, но
глубоко-талантливому беллетристу Ив. А.
Бунину. Сколько здѣсь тонкихъ чертъ,
жизненной правды, художественнаго чутья
и глубокой поэзіи! Каждая страница,
каждая строка, вѣетъ жизнью, пахнетъ
лѣсомъ, лугомъ, сибирской степью, дерев-
ней... Смотрю я на эту книжку и думаю:
скоро-ли о тебѣ заговорятъ! Сколько вре-
мени твоей авторъ протомится въ неизвѣ-
стности о томъ даже, есть у него та-
лантъ, или нѣтъ? Сколько времени проле-
жишь ты на полкахъ магазиновъ, не со-
грѣвъ сердца читателей тѣмъ чуднымъ
тепломъ, какимъ ты согрѣла мое сердце!

Здѣсь не мѣсто подробно разбирать эту
книжку. Но, мнѣ кажется, читатели на-
столько давно знакомы со мною, что по-
пробуютъ прощѣрить мои слова и, вѣро-
ятно, не скажутъ, что я ввелъ ихъ въ

доблужденіе. У насъ нужно не подражать о новыхъ и крупныхъ талантахъ, а кричать о нихъ, трубить на всѣхъ перекресткахъ. Развѣ ихъ такъ много у насъ? Ловкія и безстыдныя бездарности быстро создаютъ себѣ сбытъ посредствомъ всевозможныхъ рекламъ. Наоборотъ, истинный талантъ—крайне скромный, не увѣренъ въ себѣ, даже робокъ. Въ теченіи своей тридцатилѣтней литературной дѣятельности я не разъ могъ наблюдать это. На моихъ глазахъ два совершенно бездарныхъ поэта, но не лишеныя гладкаго, иногда звучнаго, стиха выбились изъ толпы тѣмъ, что рекламировали сами себя, какъ только могли. Одинъ выѣшпывалъ даже во всѣхъ книжныхъ лавченкахъ, не говоря уже о магазинахъ, объявленія о выходѣ своей книги. Другой забѣгалъ во всѣ редакціи, ухаживалъ за рецензентами, писалъ стихи всякимъ юбилярамъ безъ разбора... И ничего! Даже самые злые изъ критиковъ отнеслись къ нему снисходительно, нашли у него „много недурного“, а кое-что „даже и положительно хорошее“.

А вотъ книжечка Г. Бунина не такъ-то скоро найдетъ себѣ панегиристовъ, хотя его новыя произведенія, написанныя съ тѣхъ поръ, какъ она вышла и напечатанныя въ нашихъ лучшихъ журналахъ, доказываютъ, что талантъ его растетъ и крѣпнеть. По складу своему, этотъ талантъ представляетъ какъ бы сочетаніе таланта Ант. Чехова съ глубокой вдумчивостью и общественной отзывчивостью Гаршина. Этимъ я не хочу сказать, что талантъ молодого писателя не оригиналенъ. Наоборотъ, съ первыхъ-же строкъ

вы видите, что у автора своя собственная манера, индивидуальность,—что онъ никому не подражаетъ, пишетъ то, что диктуютъ ему сердце, умъ, любовь къ народу, человѣку и какое-то тихое, грустное, глубоко-проницающее, но не кричащее негодованіе къ отрицательнымъ типамъ и явленіямъ жизни.

Дай Богъ, чтобы талантъ его росъ и развивался въ ширь и вглубь! Пусть онъ дастъ намъ то, что обѣщалъ Гаршинъ и не могъ дать, подкошенный ранней смертью. Пусть дастъ и то, чего многи ожидали отъ Ант. Чехова, и ожидаютъ еще, хотя этотъ удивительный талантъ все что-то медлитъ, никакъ не можетъ развернуться во всю ширь своихъ силъ... Что съ нимъ? Въ его „Чайкѣ“ слышатся даже проклятія писательской профессіи. Антонъ Чеховъ, устами своего героя, негодуетъ отъ этой необходимости смотрѣть на всѣ явленія жизни и міра съ точки зрѣнія не просто-человѣческой, а „писательской“.

Но зачѣмъ-же такъ смотрѣть!

Пусть прочтеть у Гюго то мѣсто, гдѣ тотъ доказываетъ, что именно это-то профессионально-беллетристическое отношеніе къ явленіямъ—и губитъ поэзію, убиваетъ талантъ. Нужно именно только *человѣческое* отношеніе. Нужно забыть, что будешь писать о явленіяхъ, которые переживаешь.

Неужели профессиональные беллетристы не въ силахъ забыть этого? Въ такомъ случаѣ, они, дѣйствительно, переживаютъ муки Тантала.

Л. Оболенскій.